

а девушка

Каарон Уоррен

Больнице Святого Мартина было по крайней мере чисто — это да. Только в воздухе летали мелкие волоски. Сангита («Ты меня знаешь. Я Сангита»), с длинной ниткой в зубах, ползала среди женщин и трогала их — за колено, за голень, — проверяя, нельзя ли у них чего-нибудь выщипнуть.

— Перестань, Сангита. Здесь ни у кого волос уже нет. Тебе надо собаку найти. — Когда приходили посетители, старшая медсестра становилась очень доброй. Это мне сказали пациентки.

Они сидели на широкой веранде, окружавшей здание по периметру. Их жизнь проходила в основном здесь. Веранды на Фиджи — место досуга. Это было единственное в больнице место с удобными стульями. В столовой, располагавшейся в ветхом, когда-то белом здании позади спального корпуса, стулья были такими, чтобы ты побыстрее ел и уходил; в комнате художественной терапии — чтобы туда попасть, нужно было перейти через неровную, кое-как вымощенную булыжниками дорожку, — стояли табуретки. Эти табуретки были из тех вещей, которые я хотела здесь поменять. Я собиралась поставить удобные кресла, чтобы женщины могли спокойно сидеть и шить, или рисовать, или вязать. Сейчас они делали маленькие веера из пандана и вырезали из мыла фигурки черепах. Все это продавалось на ежегодном базаре. Моего финансирования должно было хватить на месяц.

Платила богатая австралийка, приезжавшая в больницу Святого Мартина с благотворительным визитом. Ее повергло в шок состояние комнаты художественной терапии. Картины там были такими старыми, что состояли больше из пыли, чем из краски и холста. Никаких принадлежностей для рисования вообще не существовало. Она наняла меня, чтобы привести все в порядок и дать медсестрам несколько уроков живописи, чтобы они впоследствии могли хоть чему-то научить пациенток. Медсестры очень любили мои занятия — на них они в основном сплетничали.

Уцепившись за мою юбку, Сангита полезла вверх.

— У тебя слишком много волос на бровях. А губа у тебя как волосатая гусеница.

Я посмотрела на нее, и она опять осела на пол.

Старшая медсестра сказала:

— Тебе не нравится, как выглядит наша гостья? А разве ты сама совершенна? Тебе еще многому нужно научиться, Сангита, если хочешь вернуться домой в Суву.

Сангита поправила волосы:

— Я же косметолог. Естественно, я красивая. — Ее лицо было изуродовано угрями. Открытые раны и любые повреждения кожи в тропиках легко загнивают. Ее горло пересекала яркая красная черта, а два пальца загибались в разные стороны. Ногти были накрашены, но слоились и были обгрызены до мяса. — Я училась в Австралии. Я вышла замуж за австралийца, но он каждое полнолуние сходил с ума.

— Ну конечно, — сказала старшая медсестра. — Он был проклят во время вашего медового месяца в Ракираки.

— Он оскорбил ведьм. Он не верил, что они ведьмы, и сфотографировал, как я целую их поросенка. Затем он сказал, что от меня пахнет беконом, и не смог больше меня любить.

— Это благословение, — заявила одна из пациенток. — Ты умрешь нетронутой.

— Мой второй муж любил только мужчин, — сказала Сангита. Все это время нитка свисала у нее изо рта. Она натянула ее. — Можно я выщиплю у тебя волосы? Ты станешь гладкой.

Остальные женщины загалдели. Они все хотели сделать что-нибудь для меня. *Для меня.*

Только одна старуха, сидевшая на углу веранды, не галдела. Она тихо шевелила губами. Я подошла к ней и наклонилась.

— Что вы говорите? — спросила я.

— Я та девушка, — сказала она. — Я та девушка.

Она была очень худой. Ее кожа была покрыта морщинами и спадала складками, словно темный бархат, — самодельная мягкая игрушка для злого ребенка.

— Я та девушка, — повторила старуха. Она редко говорила что-либо другое. Только иногда просила еще каши, если та была вкусной, да порой подпевала, если молитва была на хинди. Все это я еще узнаю — за несколько последующих дней.

Она схватила меня за руку. Ногти у нее были острыми. Они должны были быть чистыми, как и все вокруг, но я увидела темно-красную полоску, которая мне не понравилась. Если бы она была художницей, я могла бы подумать, что это «красный рассвет», но она не была художницей. В воздухе стоял сильный запах отбеливателя. Наверное, другие чистящие средства здесь не использовали.

— О какой девушке она говорит?

Старшая медсестра покачала головой:

— Мы не знаем. Мальвика повторяет это уже очень давно. Говорят, ей было лет шестнадцать-семнадцать, когда она здесь появилась. Старая медсестра рассказывала, что ее нашли у ворот как-то вечером — грязную, в разорванной одежде, в ужасном состоянии. Никому она была не нужна. Семья от нее отказалась. Но она не самый тяжелый случай у нас. — Она положила руку на голову девушки, бесформенной грудой лежавшей в кресле. — Она такой родилась. Семья держала ее в сарае за домом, пока она не забеременела. Никто не знает, кто отец, но говорят, это был пес.

Бедная девушка будто выросла в тесном глиняном горшке. Ее тело было искорежено и свернуто немислимим образом, словно у смятой бумажной фигурки. Она жевала губу так, будто это была еда. У меня руки чесались ее нарисовать, и старуху тоже. Не для работы, а просто так. Я рисую то, что вижу, чтобы окружающий мир приобрел хоть какой-то смысл. А здесь это ему непременно следовало сделать.

***

После окончания смены мы со старшей медсестрой поехали в пригород Лами, где ходили среди рядов подержанной одежды, так

пахнувшей плесенью и нафталином, что вряд ли ее можно было носить даже после стирки. Мы зашли в темный длинный сарай, в котором располагался рынок. На земле в грязи валялись кучи овощных отходов, а рядом, на столах, красовались фиолетовые баклажаны, грозди бананов, маленькие пахучие помидоры. Медсестра говорила что-то на фиджийском, и торговцы кивали и улыбались.

— Художница! — сказала одна торговка. — О, *mangosa*!

— «*Mangosa*» значит «умный», — сказала старшая медсестра. — Она говорит, если вы художница, значит вы умная. А вот и он, — прошептала она и указала на огромного рыжего беспородного пса. Он сидел, прислонившись спиной к столбу, вытянув задние лапы перед собой по земле, а передние просто свесив вдоль тела. Он сидел как человек. Я никогда не видела таких огромных яиц — они были серо-розовые, размером с шары для игры в крикет.

— Это вот о нем говорят, что от него забеременела та девушка, которую вы видели в больнице. Говорят, ее дети участвуют в выборах в местный совет. — Она рассмеялась, и я наконец поняла, что она шутит. Я чувствовала себя такой растерянной и беспомощной, что поверила бы и в такое.

Я заплатила за овощи и за такси — за нее и за себя. Она поехала домой, а я к себе в съемную квартиру. Зарплаты здесь такие низкие, что она за неделю получает столько, сколько моя австралийская патронесса платит мне в день.

Мы ехали мимо больницы Святого Мартина.

— Они там чокнутые, — сказал шофер и постучал себе по лбу. Я не ответила, и он обернулся — при этом руль крутанулся так, что мы выехали на встречную полосу. — Это сумасшедший дом, — сказал он. — Не ходите туда.

Судя по всему, он не прочь был поболтать, и я спросила его, не знает ли он, кем может быть эта «та девушка». Он посмотрел на меня в зеркало.

— Это может означать что угодно. Смотря кого спрашивать.

— Да, но что это значит для вас.

— То же, что и для любого другого таксиста, — сказал он. — Рассказывают, что она никогда не стареет. Ее кожа всегда свежа, глаза всегда искрятся. Она пахнет спелым манго, только не кожей, а мякотью, нарезанной и истекающей соком на тарелке. Она ловит такси у ремесленного рынка. Всегда в пять тридцать семь.

Многие из нас не сажают девушек в это время, в том месте. Она садится на заднее сиденье и улыбается тебе так, что ты забываешь о том, что женат, и чувствуешь, как плавится твое сердце.

— Вы сами ее видели?

— Нет, но мой брат видел. Она просит ехать на кладбище, и если ты из любопытства спрашиваешь, к кому она направляется, она отвечает: «К матери». А ты хочешь отвезти ее домой и накормить. Ты крутишь баранку и все поглядываешь на нее в зеркало заднего вида, потому что она такая красивая. На ней нет никаких украшений, кроме маленького медальона. Он у нее вот здесь. — Указательным пальцем он касается середины груди, затем раскрывает ладонь, как будто трогает женскую грудь.

— Мне кажется, хватит.

— На нем изображен Кришна — толстый младенец ест масло. Ты поворачиваешь за угол, и вот оно — кладбище. Ты ждешь, что она скажет, где ты должен остановиться. Тебе становится холодно, но дверь закрыта. Ты поворачиваешься — а ее нет.

По моей спине пробежал озноб. Это старая история, но от этого она не становится менее страшной.

Таксисты любят рассказывать о событиях, которым они стали свидетелями, о пассажирах, которых они подвозили. Я считала этот рассказ просто городским мифом и не обращала на него особого внимания. Но они рассказывали эту историю снова и снова. Всегда это был брат или лучший друг, и всегда они говорили с содроганием, как будто боялись об этом вспоминать.

***

Во время своего следующего визита в больницу Святого Мартина я подошла к старухе Мальвике.

— Я та девушка, — сказала она. На шее у нее висел медальон: Кришна ест масло.

— Вы ехали на такси? — спросила я. — Это правда?

— Я... — Она кивнула.

— Давайте отойдем куда-нибудь. Я дам вам конфет. — Последнюю фразу я сказала шепотом, чтобы не услышали остальные. Все женщины здесь ходили медленно, шаркая ногами по полу, как будто их стопы были сделаны из свинца, а они слишком слабы для того, чтобы их каждый раз поднимать. Они были очень рады

любым гостям, даже если пришли и не к ним. Все они хотели что-нибудь вам рассказать и получить от вас какой-нибудь подарок. Больше всего они любили, если им приносили сладости, — сахар здесь был самым доступным лакомством. В столовой сахар очень быстро заканчивался, потому что женщины ссыпали его себе в карманы, а затем, например во время молитвы, лазили туда мокрым пальцем, который потом засовывали в рот.

Мы пересекли дорожку и обогнули здание, где была комната художественной терапии. Я не захотела зайти внутрь и сидеть на жестких табуретках. Там было пыльно и пахло бананами и потом. Не знаю, как я это исправлю... Как-нибудь. Мы уселись на старую скамейку позади здания, в тени.

— Я уже много раз это рассказывала, — сказала Мальвика. — Сто раз. Двести. Никто уже не слушает и не записывает.

— Я запишу, — пообещала я и достала блокнот, но начала не писать, а рисовать.

— Моя мать умерла, а отец, вместо того чтобы плакать, вскоре нашел себе новую подружку. Он не ездил на кладбище к матери, но, по крайней мере, давал мне денег на такси. Я закончила работать в полшестого и, перед тем как отправиться домой, поехала навестить мать. Такси в тот день было мало, но этот таксист остановился. Этот остановился. — Она закрыла глаза. Я вспомнила, как старшая медсестра рассказывала, в каком состоянии она попала в больницу, и мой пульс удвоился. Я не хотела этого слышать. Ничего не хочу знать об этом. Но я и хотела это услышать. Да. Я хотела услышать о боли и страдании. Нарисовать его на бумаге, ухватить его и изобразить в подробностях.

— Что было дальше? — спросила я.

— Он казался хорошим человеком. Задавал вопросы о работе и школе. Затем он начал спрашивать о мальчиках, говорить о моем теле — мне не понравилось, что он говорил. Я не смела сказать, чтобы он остановил машину, но и не отвечала.

Когда мы доехали до кладбища, он заехал прямо внутрь. Шел дождь, и он сказал, что не хочет, чтобы я промокла. Естественно, я бы все равно потом промокла. Он остановился и быстро вышел из машины, пока я возилась с вещами. Он открыл мою дверь, и я подумала, что это очень учтиво. Но он не выпустил меня. Нет.

Она сцепила руки в замок.

— Он толкнул меня на сиденье и взял то, что должен был взять мой муж. Он навалился сверху и несколько раз ударил меня. Я пыталась выбраться через другую дверь, но он выкрутил мне руки. Потом выволок меня из машины и бросил лицом в грязь. И он делал со мной еще другие, ужасные вещи. Мне было очень больно.

Она полезла пальцами в карман, достала их все в сахаре и стала облизывать.

— Затем он поднял меня и бросил в машину. Он мог бросить меня прямо там, но хотел замести следы. Он довез меня до больницы и вытолкнул из машины. Я не могла говорить два дня, а потом стало уже слишком поздно.

— И он придумал историю о призраке, чтобы объяснить, куда вы делись, — на тот случай, если кто-то видел, как вы садитесь к нему в машину.

Старуха посмотрела на меня и улыбнулась:

— Я та девушка.

Я подумала: «Ты цепляешься за свою юность. Ты гредишь о том времени, когда была молода и ничего подобного с тобой не происходило».

Из-за угла вышла старшая медсестра:

— Вот вы где! Вам не следовало ее уводить. Она очень нездорова. С ней в любой момент может что-нибудь произойти.

***

Я вернулась домой, чтобы порисовать при дневном свете. Над Сувой шел дождь. Он двигался в мою сторону, поэтому мне пришлось работать быстро. Портрет Мальвики не давал мне покоя, потому что мое впечатление о ней как о молодой девушке было сильнее, чем как о старухе.

Волосок у нее на подбородке. Он был длинный, темный, но забился он или нет? И с какой он был стороны — левой или правой?

Я остановила такси, поехала на придорожный рынок, купила бананов и папайи. Никто меня ни о чем не спросит, если я приеду в больницу с фруктами.

По привычке я спросила шофера о «той девушке». Он сказал:

— Она исчезает. Я могу показать где.

***

Я пошла к Мальвике, хотя уже близился обед, а больничный персонал не очень любил, чтобы нарушался заведенный порядок. Она сидела у двери спального корпуса. Остальные пациентки собрались у дальней двери веранды.

Она сидела прямо, с окаменевшей спиной и широко раскрытыми глазами. Она не моргала. Ее рот был раскрыт, вокруг губ застывала слюна.

— Боже мой, — сказала я. — Она мертва.

Я чуть не побежала за помощью, но медсестра меня остановила:

— Нет, она в ступоре.

Глаза старухи были красными и сухими. Я всмотрелась в них, ища признаки жизни, но не нашла их. Ни пульса, ни дыхания. Я ничего не помнила из курсов первой помощи и, кроме того, не смогла бы заставить себя прижать свой рот к ее.

— Мы должны ее положить, — сказала я. По крайней мере, это я могла сделать. Остальные смотрели на меня.

— Оставь ее как есть, — сказала Сангита, качая головой. От нее пахло жженым волосом.

— Надо позвать доктора, — сказала я, но при этом думала: «Прусская голубая. Если смешать прусскую голубую с титановой белой и разбавить, я получу цвет ее мертвых глаз. Я напишу ее как молодую девушку, а потом вот так нарисую глаза».

— Она пустая, — тихо сказала медсестра. — Ее дух улетел на свободу. Он скоро вернется. Надо только подождать.

Прошло пять минут. Я поняла, что надо что-то делать. Я позвонила доктору со своего сотового телефона. Он сказал:

— Спешка ни к чему. Медсестры сами позвонят в морг, если будет надо.

Я присела перед Мальвикой на корточки. Такой возможности мне больше не представится. Волосок на подбородке... он не загибался.

И тут это случилось. После десяти, а может, даже пятнадцати минут неподвижности Мальвика шевельнулась, моргнула, обхватила руками колени и стала качаться взад-вперед.

— Она... Доктор ее осматривал?

— Они не хотят тратить время. Говорят, все равно это бесполезно.

— Часто это с ней происходит?

— Время от времени. Это ее успокаивает. После приступа она всегда чувствует себя лучше.

Никто вокруг особо не беспокоился, и я подумала, что, возможно, это типично западная черта — бояться старухи, которая может умирать и оживать так же легко, как мы засыпаем и просыпаемся.

Я тихо села на стул и стала зарисовывать вечерние больничные дела. Это меня успокаивало. Мальвика сменила позу и попросила сахара. У нее на подбородке блестели желтоватые струйки слюны. Губы были сухими и потрескавшимися. Глаза по-прежнему смотрели в никуда и имели почти фиолетовый цвет. Левая щека покраснела, как будто к ней прилила кровь.

Я зарисовала эти отметины смерти.

***

Некоторое время я не приезжала в больницу Святого Мартина. Мне заказала портрет одна богатая француженка. Притягательная сила денег убедила меня взять заказ, и, кроме того, мне нравилась мысль, что моя работа будет висеть где-нибудь во Франции.

Как-то, устав от красивого лица француженки, я достала из стола портрет Мальвики. При взгляде на него мне стало нехорошо. Я никогда до этого не рисовала мертвых. На заднем плане я изобразила часы, остановившиеся в 5:37.

Я подумала о таксистах, о том, как они повторяют легенду об исчезающей девушке. Как они произвольно своими байками покрывают насильника. Я поняла, что не смогу закончить портрет Мальвики, пока не узнаю ее как молодую девушку, не пройду ее дорогой и не заучу ее наизусть.

И началась неделя — или, может быть, это были две недели? — в течение которой я каждый вечер после пяти ловила такси у ремесленного рынка. Некоторые таксисты гордо говорили мне:

— Вообще-то мы не сажаем здесь молодых девушек. Но я не верю в привидения.

В один из вечеров шофер сказал:

— Вы ездили за покупками? — Он смотрел на меня в зеркало — но не совсем на меня. На место рядом со мной. Мне всегда было тяжело разговаривать с косоглазыми людьми.

— Да, — сказала я, хотя никаких сумок у меня с собой не было.

— Девушки, а вы идете сегодня на танцы?

— Девушки?

— Да. Вы и ваша подруга. — Он кивнул мне. И месту рядом со мной.

Моя правая рука покрылась мурашками. Кто-то будто прислонился ко мне. Я не поверила, что в машине еще кто-то есть, но смотреть мне не хотелось. Я отодвинулась ближе к двери и все же повернула голову.

Ничего. Никого.

Шофер произнес что-то на хинди.

— Извините, я не говорю на хинди, — сказала я, но он продолжал говорить, делая паузы, как будто слушал кого-то.

— Ваша подруга очень скромная, — сказал он.

Мы свернули на дорогу, ведущую к кладбищу и больнице Святого Мартина. Мне хотелось выйти, но я должна была ехать дальше, хотя сердце готово было выпрыгнуть из груди. Мы проехали кладбище, повернули к больнице. Шофер обернулся.

— Где... ваша... подруга? — закричал он. А по виду и не скажешь, что этот мужчина может кричать. — Где она? Вы мне заплатите за двоих!

— Вы можете подождать? Я хочу кое-что проверить.

Он затряс головой и дал газу, едва я захлопнула дверцу.

— Где она? Где та девушка?

***

Мальвика сунула в рот палец:

— Сахар? Сахар?

Никому не пришло в голову ее умыть. Я ясно видела смертные отметины, желтоватую слюну на подбородке, фиолетовый оттенок глаз.

— Вы уходили? — спросила я. — Вас здесь не было?

Она кивнула:

— Я та девушка. — И улыбнулась.

***

Я закончила портрет Мальвики. Слой краски получился очень толстым, потому что я переписывала ее снова и снова: молодая, старая, мертвая. Молодая, старая, мертвая. Я так и не смогла решить, какое лицо лучше всего передает, кто она есть.

Послесловие

Легенда, на которой основан мой рассказ, очень проста. Девушка ловит такси в Суве и просит отвезти ее на кладбище. Когда они доезжают до места, она исчезает. Таксисты пугают этой историей ночных пассажиров.

Я выбрала именно эту городскую легенду, потому что из всех историй, выслушанных мной за целый год, только она не была привязана к определенному призраку, и ее знало много людей. Для большинства рассказов о призраках характерна конкретика — такой-то призрак обитает в такой-то деревне, — и каждый рассказчик настаивает на своем варианте истории.

Кладбище действительно располагается недалеко от психиатрической лечебницы, и сама лечебница тоже существует. Еще чуть дальше по дороге находится тюрьма, которая, возможно, будет фигурировать в одном из моих будущих рассказов.

Окна моего дома выходят на это кладбище. Когда я только въехала, я имела обыкновение говорить таксистам: «К дому возле кладбища». Это их пугало — они все время поглядывали в зеркало, и из-за этого езда становилась опаснее, чем обычно.

Первый роман **Каарон Уоррен**, «Униженные» («Sights»), вышел в издательстве *Angry Robot Books* в 2009 году. Ее второй роман, «Затуманивание» («Mistification»), вышел в том же году, а публикация третьего, «Вокруг Дерева» («Walking the Tree»), запланирована на нынешний год.

Ее рассказы, многие из которых получали престижные премии, публиковались в таких журналах, как *Poe*, *Paper Cities*, *Fantasy Magazine* и других — и в Австралии, и по всему миру. Ее рассказ «Тюрьма для призраков» («Ghost Jail»), впервые напечатанный в журнале *2012*, был включен в антологию *Apex Book of World SF*, а ее второй рассказ, «Синий ручей» («The Blue Steam»), — в антологию *The Dead Souls*.

Каарон Уоррен живет в столице Австралии Канберре.